Андрей РАСТОРГУЕВ

НА ГРЕБНЕ ЖИЗНЕННОГО КРУГА

русский поэт Валерий Вьюхин не упрекает ни большой, ни малой родины

Вьюхин В.Н. Родство. – Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2007.

Есть поэты, кажется, вовсе не страдающие от того, что их известность ограничивается пределами малой родины. Напротив, именно близость к ней питает их лучшие строки, адресованные прежде всего землякам, которые в большинстве своем не обременены филологической ученостью, но стихийно чутки к искренним и, возможно, просто не требующим особых эстетических изысков движениям человеческой души.

Вот и книга Валерия Вьюхина, вышедшая в Сыктывкаре, названа безо всяких претензий на привлекающий искусственное внимание вызов общественному вкусу – «Родство» (2007). Это чувство и состояние для автора, который родился на Вологодчине, но отнюдь не чувствует себя чужим в прежде бывшем её частью, а ныне соседнем с нею Коми крае, сомнению не подлежит:

…Мне выпало здесь основаться,
Не думать о странствиях впредь,
И вечером длинным, как в святцы,
В глаза голубые смотреть…

Впрочем, открывают книгу и составляют её немалую толику стихи о Родине большой. Тревожась за эту судьбу, отчаяния поэт отнюдь не испытывает. «*Наши беды не столь велики,// С нами было еще не такое…*», – напоминает он, призывая земляков продрать глаза «*ото сна, ото лжи, от запоя…*». И уверен: «*Оплакивать рано державу// И рано её отпевать…// А то, что с краёв отломилось,// Не всё, но ещё прирастёт…*».

Искренне и местами довольно свежо и точно – к примеру, когда горы Полярного Урала оказываются подобны вечным палаткам, шатрам российского воинства – сказано. И всё-таки до сердца достаёт не

очередное обращение к булатным саблям, копьям и кольчугам, не воспоминание о сжитых со свету звонарях, на чьих позабытых могилах густо растут колокольчики, а человечно тихое сравнение той же многим вошедшей в отечественную историю XX века Коми земли: «*…Она – как рано у державы// Осеребрившийся висок…*». Или: «*…Перед сумрачным храмом Урала,// Словно паперть ты, Коми земля…*».

Таким Урал предстает с воздуха на подлёте к Инте или Воркуте – и таким его, безусловно, не раз видел профессиональный авиатор Валерий Вьюхин на дне небесного колодца, которому не дано краёв и в котором «*Самолёт шмелём залётным вьётся,// Словно ищет полое окно…*». Для автора «*…и в самолётных крыльях// Есть контуры руки…*», а на аэродроме «*…далёкий горизонт// Багровой птицей метит на бетонку…*» и в непогоду «*…хлещет дождь по дюралевой холке*».

А бывает, что рукотворная птица падает, не долетев до гнезда, и тогда:

В глухом краю заросший луг,
В его траве, как первый иней,
Белеет пятнами вокруг
Недогоревший алюминий…
И долго бродят по ночам
По лугу призрачные блики.
А днём земля здесь горяча,
Земля красна от земляники.
Но эти ягоды не рвут,
Их пальцы вытерпят едва ли.
Они созреют, упадут,
И запекутся на дюрали.

Но даже после этого люди проходят сквозь облака хотя бы мыслью: «*И след оставив пенный,// Неведомым путём// По зеркалу Вселенной// Мы тихо поплывём…*». И окончательно списанного по возрасту лётчика «*…До черты, до последнего вздоха// Будет в небо как прежде тянуть…*» от земли, где «*Селом, как белые быки,// Бредут рогатые сугробы,// А за дворами вдоль реки// Сверкает лёд первейшей пробы…*».

Этой земле стихотворец чутко внемлет тоже:

На ощупь окрестности пробуя,

Повадился дождик грибной,
И туча, как лошадь жерёбая,
Застенчиво ржёт за спиной.
Темно и прохладно, как в тереме,
Где слышно молитву с высот.
Природа смирилась с потерями
И вновь благоденствия ждёт.

По-прежнему ощущая неразрывную связь с небом, где «*…месяц, и тот пополам,// Как будто ледышка, расколот…*», поэт подсказывает любимой: «*…на заре к тебе снегами// В гости ангелы бредут…*». И видит снегирей заколками в ее «ольховой пряди». И пусть «*Время, словно резцом по железу,// настрогало в виски седину…*», лирический герой поэта готов тотчас отозваться на призыв своей спутницы «*Туда, где рядом высятся// Два холмика любви*». Ведь «*…плоть ещё духу соперница// До самых глубоких седин*». Хотя и духовного единства не отнять: «*…на гребне жизненного круга// Петляют наши две лыжни,// Не отдаляясь друг от друга…*».

У Вьюхина та же земля, накапливая жар накануне весны, «*просвечивает плотью,// Как женщина сквозь пеньюар…*». Хотя северные снега и впрямь роскошны, уместнее, возможно, была бы простая ночная рубашка. Но что ели в таежном сумраке стоят, как потушенные домны – здорово. И в нижнем течении Печоры действительно «*Чиста вода и так протяжны дали,// Как будто я вошёл в огромный зал,// Где рамы навсегда повыставляли…*».

Цитирование, свидетельствующее, насколько глубоко за свою жизнь поэт прочувствовал и принял родной Север, можно продолжать. И всё-таки сквозь уверенность в тщете и мимолетности громкого признания – «*…Ничто знаменитость и лоск,// Что силой иные достигли,// Всё это, как призрачный воск,// Растает у времени в тигле…*» – в воспоминании о молодости и Литинституте пробивается и сожаление:

…Как много тогда представлялось,
Но сбили с нарезки стиха
Кого-то душевная вялость.
Кого-то судьбы лемеха.
Нас много, хватило б и трети,
И те бы считали за честь.
И всё-таки в каждом поэте

Неспетая музыка есть.

И ещё в одном стихотворении – как отзвук:

…Поэтическое варево
Грел на медленном огне,
Что-то всё не договаривал,
А сказать что было мне…

Впрочем, в этом двойном сожалении можно увидеть и просто чувство человека, заметившего «*Что на последнем перегоне// Судьба ускорила свой бег…*». К тому же, несмотря на перемену вида поэтического транспорта и времени года, до конечной станции дело ещё-таки не дошло. Пусть «*…Широко и безоглядно// Осень вскинула крыло…*», душа отрады и тепла не утратила. И в стремлении удержать стихи, что бьются в утренних сетях и оставляют в руке светящиеся искорки чешуек, жилка на виске не просто пульсирует, а бушует.

2008 г.